ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В.А. Мельничук
Новосибирский государственный университет

Стилистическая инструментовка характеристик смоленских князей Ростиславичей в составе Киевского свода XII века

Аннотация: В статье анализируются литературные характеристики смоленских князей Ростиславичей в составе Киевского свода XII века. Редактором свода игуменом Моисеем с помощью целенаправленной редакторской правки текста акцентирована линия преемственности великокняжеской власти от отца Владимира Мономаха до представителя младшей линии его правнуков, Рюрика Ростиславича.

The paper analyses the literary descriptions of the Smolensk Princes Rostislaviches in the Kiev Chronicles of the 12th century. With a purposeful text revision, the editor of the Chronicles hegumen Moses accentuated the continuity line of grand-ducal authority from Vladimir Monomakh's father to the representative of the younger line of his great grandsons, Rurik Rostislavich.

Ключевые слова: Киевский свод XII века, игумен Моисей, образы смоленских князей Ростиславичей, историческое повествование, редакторская правка.

Kiev Chronicle of the 12th century, images of the Smolensk princes, hegumen Moses, historical narrative, editorial correction.

УДК: 821.161.1`04.09+94

Контактная информация: Новосибирск, ул. Пирогова, 2. НГУ, кафедра древних литератур и литературного источниковедения. Тел. (383) 3634233.
E-mail: meln@nsu.ru.

В настоящей статье мы стремимся рассмотреть литературные характеристики смоленских князей Ростиславичей, обеспечивающие их особую презентацию в летописном пространстве Киевского свода XII века.

О возможном существовании смоленского летописания писали К.Н. Бестужев-Рюмин и Я.Н. Щапов [Бестужев-Рюмин, 1968, с. 149–150; Щапов, 1974, с. 56]. А.А. Шахматов указывал на заимствование большей части известий Ипатьевской летописи второй половины XII века из Выдубицкой летописи, пристрастной к Рюрику (смоленскому князю, княжившему в последние десятилетия XII века в Киеве), и в этом смысле переработавшей летописные известия своих первоисточников [Шахматов, 1938, с. 70–71]. Начиная с трудов М.Д. Приселкова, семейная хроника Ростиславичей, братьев великого князя Рюрика, рассматривается как коллекция некрологов, составленная в Киеве в связи с получением князем Рюриком известий о смерти того или иного брата [Приселков, 1996, с. 89].

Ростислав Мстиславич занимал киевский престол с 1154–1155; с 1160–1167 гг. Известия, описывающие события с участием князя, начинаются в 40–50 гг., когда Киев возглавлял его младший брат, Изяслав Мстиславич. Многие известия, описывающие события с участием обоих братьев, были отредактированы составителем Киевского свода с целью акцентирования заслуг князя Ростислава. Торжественно составлено известие под 1154 (6662) г., сообщающее о первом

въезде в Киев Ростислава Мстиславича: «*В то же время Ростислав приде из Смоленска Киеву. Кияне же вси изидоша с радостью великою противу своему князю, и тако быша ему ради вси, и вся Руская земля, и вси Чернии Клобуци обрадовашася, оже Ростислав пришел в Киев*» [ПСРЛ, т. 2, стб. 470][1].

В другом примере под 1160 (6668) г. восшествие князя на киевский престол сравнивается рассказчиком с праздником Пасхи: «*Поиде Ростислав, сын Мьстиславль из Смоленьска к Киеву на стол. И вниде в Киев месяца априля в 12 день на въскресение, тогда бо бе паска честьная, и сретоша вси людие и множьство народа. Прияша и людие с достохвалною честью. И седе на столе деда своего и отца своего сии благоверный князь Ростислав. И бысть людем двоя радость: и воскресение Господне и княже седение*» [ПСРЛ, т. 2, стб. 504].

Известия, повествующие о времени княжения Ростислава в Киеве, характеризуются дробностью. Под 1161 (6669) г. помещено три фрагмента с участием Ростислава Мстиславича. В первом рассказывается о его расправе в Киеве с новгородцами: они были посажены в погреб в отместку за то, что с новгородского княжения был изгнан сын князя, Святослав. Узнав, что 14 новгородцев погибли в погребе, Ростислав, «*печален бысть их деля*», выпустил остальных на свободу. Авторская ремарка, вероятно, является следствием оправдать гневливость князя.

Под этим же годом читается известие о приезде Олега Святославича к Ростиславу по его приглашению. Сообщив о внушенном людьми Олегу подозрении, автор выдает свою благосклонность к Ростиславу Мстиславичу, который выглядит как жертва: «*Ростислав же не хотяше пустити его от себе любовью: занеже не имеяше лиха в сердци, но злии человеци не хотяче добра межи братьею видити, тако створиша*» [ПСРЛ, т. 2, стб. 513].

Последний сюжет посвящен описанию битвы между Ростиславом Мстиславичем и Изяславом Давыдовичем. Князь Ростислав, решивший по совету дружины бежать, имеет образ сниженный. Иначе преподнесено данное событие в Никоновском своде, в известии которого содержится обращение к Ростиславу киевского тысяцкого. Метафорическое сравнение со львом и орлом подчеркивает достоинства князя: «*Господине княже! Бежи из града, да свободен будеши, аще убо сидиши внутр града, готов пленен еси ратными; аще ли вне града еси, на кони ездя с дружиною своею, уподобляешися лву страшну, дружина же твоя аки медведи и волци, или яко подобишися орлу летающу подо облаки, дружина же твоя аки ястребы, и никтоже может тогда одолети тя*»[2].

Смерти Ростислава Мстиславича под 1168 (6676) г. посвящена повесть, замыслом которой было стремление дать «идеальный» образ князя-правителя [Еремин, 1949, с. 86]. В некрологе приведена предсмертная молитва князя: «*А уже ему велми изнемагающу, а и бы в селе в Рогнедине в Зарубе, и нача молвити Иванкови Фроловичю, покладнику своему, и Борисови Захарьичю: "Взовита ми Семьюна попа, ать створит молитву". А сам воздев руце свои, нача молитву творити, зря к иконе святой Богородици: "Пречистая Богородице, вышьши еси ангел, архангел всея твари, честнейшю помощнице обидимым, не надеющимъся надеяние, сиротам заступница, убогим кормительнице, печальным утешение, грешнъм спасение, христианам всим поможение" <…>*» [ПСРЛ, т. 2, стб. 531].

В тексте цитируются слова Симеона Богоприимца из Евангелия от Луки, произнесенные в Иерусалимском храме в день Сретения (Лук. 2: 29–32): «*Возрев на икону самого Творца, нача глаголати тихом гласом, слезы испущая от зениць: "Ныне отпусти раба своего, Владыко, по глаголу твоему с миром". И бе видити слезы его, лежачи на скранью его, яко женчюжная зерна. И тако отирая слезы*

[1] Цит. по: Ипатьевская летопись (по Ипатьевскому списку) [ПСРЛ, 1998, т. 2] (далее – ПСРЛ, т. 2, стб. 470).

[2] Цит. по: Никоновская летопись (по рукописи Академической XIV) [ПСРЛ, 1862, т. 9, с. 218].

убрусцем, успе месяца марта в 14, а в 21 вложен бысть в гроб у святаго Феодора в отни ему манастыри, приложився к отцем своим» [ПСРЛ, т. 2, стб. 532].

Отдельную «Похвалу Ростиславу» содержит Нифонтовский сборник XVI века, представляющий собой рукопись, составленную по указанию и при участии игумена Иосифо-Волоколамского монастыря Нифонта Кормилицына. В «Похвале», имевшей цель: обосновать права князя на канонизацию, – из всех заслуг князя, названного «треблаженным и святым», акцентировано устроение им церкви в Смоленске, учреждение епископии [Щапов, 1974, с. 49–54]. Повествование Киевского свода XII века не содержит отрывков, в которых подчеркнуты достоинства князя, объясняющие его дальнейшую канонизацию. Однако некролог, завершающий фрагментарно представленную в тексте жизнь князя, приближает его образ к агиографическому.

Сын Ростислава Мстиславича, Святослав, в течение нескольких лет правил в Новгороде (с 1157–1160, 1161–1168). Из всех эпизодов в составе Киевского свода обращает на себя внимание описание конфликта его с новгородцами под 1161 (6669) г., в котором приведены слова князя, недоумевающего, в чем причина недовольства новгородцев: «*А что есми им зло створил, оже мя хотят яти, а к отцю моему крест целовавше на том, яко имети мя князем собе до живота моего, а вчера ко мне вси целовали святую Богородицю*» [ПСРЛ, т. 2, стб. 510].

Святослава Ростиславича сложно охарактеризовать, исходя из тех немногочисленных фрагментов, где зафиксировано его участие. Между тем в Новгородской первой летописи под 1164 (6672) г. зафиксирована победа, одержанная князем с новгородцами и посадником Захарием над шведским флотом, достигшим Ладоги, составленная в свойственной новгородским летописям сдержанной манере. Текст некроложной статьи князя под 1172 (6680) г. составлен из «общих мест», восходящих к характеристикам князей в Древнейшем своде [Адрианова-Перетц, Комарович, 1941, с. 266]: «*Том же лете преставися князь Святослав Ростиславич на Волоце, бе бо тогда воюя Новгородьскую волость, и спрятавше тело его, везоша Смоленску. И положиша тело его с честью у святей Богородици в епискупье. Сый же благоверный князь Ростиславич Святослав бе украшен всякою добродетелью и бяше храбор на рати, и любовь имеяше ко всим, паче же милостыни прилежаше <…> Ово же правяше души своеи, приложися к отцем, отдав обьщий долг, его же несть убежати всякому роженому*» [ПСРЛ, т. 2, стб. 550–551].

Приписки к упоминаниям о смерти Ростиславичей: «*приложися к отцем, отдав общий долг, его же несть убежати всякому роженому*» (либо иные варианты этой формулы), – по мнению М.Д. Приселкова, сделаны составителем Киевского свода [Приселков, 1996, с. 88–89]. Вероятно, им же аналогичные формулы добавлены в сообщения о смерти сына Берладника, Ростислава, под 1189 (6697) г.; Всеволода Святославича под 1196 (6704) г.[1]

Яркий образ в повествовании Киевского свода имеет Мстислав Ростиславич, известный под прозвищем Храбрый, князь, удостоенный канонизации русской церкви [Голубинский, 1903, с. 74]. Эпитет «Храбрый», зафиксированный в Новгородской первой летописи младшего извода, объясняется Т.Л. Вилкул влиянием Хронографической Александрии [Вилкул, 2005, с. 14].

Исполненным достоинства выглядит Мстислав Ростиславич в описании сражения Ростиславичей и Андрея Боголюбского под 1174 (6682) г., где он обраща-

[1] Образцом для составителя Киевского свода могло послужить известие о смерти Всеволода Ярославича в ПВЛ под 1093 (6601) г., в котором использовано выражение «*и приложися к отцем своим*». Любопытно, что в некрологе Всеволода Юрьевича под 1212 (6720) г. в Лаврентьевском своде сказано «*и приложися к отцем и дедом своим*», в то время как в известии о смерти Всеволода Ярославича в ПВЛ по Лаврентьевскому списку читается: «*и приближися ко отцем своим*».

ется к князю Андрею через посла: «*Мы тя до сих мест, акы отца имели по любви; аже еси с сякыми речьми прислал, не акы к князю, но акы к подручнику и просту человеку; а что умыслил еси, а тое деи. А Бог за всем*». В этом же эпизоде прямую характеристику дает князю автор: «*Мстислав бо от уности навыкл бяше не уполошитися никого же, но токъмо Бога единого блюстися*» [ПСРЛ, т. 2, стб. 573].

С 1175 (6683) г. Мстислав Ростиславич княжил в Смоленске, в 1178 (6686) г. перешел в Новгород. На первое приглашение новгородцев княжить в Великом Новгороде, князь ответил отказом: «*Яко не могу ити из отчины своея и со братьею своею разоитися*». Преданность отчине подчеркнута авторским комментарием: «*Прилежно бо тщашеться, хотя страдати от всего сердца за отчину свою, всегда бо на великая дела тьсняся, размышливая с мужи своими, хотя исполнити отечьствие свое*»; приведенным внутренним монологом князя, согласившегося с уговорам братьи и мужей отправиться в Новгород: «*И се положи на уме своем: ''Аще Бог приведет мя сдорового дни сия, то не могу никакого же Руской земле забыти*"». Торжественно представлена встреча новгородцами князя под 1178 (6686) г.: князь сел «*на столе деда своего и отца своего со славою и с честью великою*» [ПСРЛ, т. 2, стб. 607].

Автором, симпатизирующим князю, описан под 1178 (6686) г. поход князя на Чудь, о чем свидетельствуют ремарки: «*И вложи Бог в сердце Мьстиславу мысль благу»; князь «приимше от Бога на поганыя победу*» [ПСРЛ, т. 2, стб. 607–608]. Весной князь задумал пойти на Полоцк, однако, решил уступить брату Роману, не одобрившему его планы. Ремарка автора акцентирует не только соблюдение Мстиславом Ростиславичем важных для этого времени отношений вассалитета-сюзеренитета, но и заботливость князя: «*Он же не хотя вередити сердца брату своему старейшому, возвратися в Новъгород*» [ПСРЛ, т. 2, стб. 609].

Некролог князю под этим же годом начинается с указания на болезнь князя: «*И уя и болезнь крепка, и охудевающи силе, и отоимающи язык. И възрев на дружину свою, и на княгиню, и воздохну из глубины сердца своего, и прослезився, и поча им молвити: "Се приказываю детя свое Володимера Борисови Захарьичу, и с сим даю брату Рюрикови и Давыдови с волостью на руце, а что о мне Бог промыслит". И тако приказав дети свои братье своеи, и воздев руце на небо и воздохнув из глубины сердца, прослезився и предаст душю свою в руце Божие* <…>» [ПСРЛ, т. 2, стб. 609].

В плаче новгородцев по Мстиславу, фрагмент которого является заимствованием из Александрии Хронографической [Вилкул, 2005, с. 14], князь прославляется как продолжатель достойных деяний деда[1]: «*И плакашася по нем вся земля Новъгородьская, наипаче же плакахуся по нем лепшии мужи Новгородьстеи. И положиша тело его в той же гробници, идеже лежить Володимер, сын великого князя Ярослава Володимерича, и тако молвяху плачющеся: "Уже не можем, господине, поехати с тобою на иную землю поганых и поработати во область Новгородьскую. Ты бо много молвяшеть, господине наш, хотя на все стороне поганыя. Добро бы ны, господине, с тобою умрети, створшему толикую свободу Новгородьцем от поганых, якоже и дед твои Всеволод свободил ны бяше от всех обид. Ты же бяше, господине мои, сему поревновал и наследил путь деда своего. Ныне же, господине, уже к тому не можем тебе узрети. Уже бо солнце наше заиде ны и во обиде всим остахом"* <…>» [ПСРЛ, т. 2, стб. 609–610].

В следующем фрагменте использованы те же выражения, что и в некрологе брата князя, Святослава: «*Сии же благоверии князь Мьстислав, сын Ростиславль, возрастом середнии бе и лицем леп, и всею добродетелью украшен, и бла-*

[1] В тексте ошибочно назван Всеволод: на самом деле дедом был Мстислав. Аналогично через дела отца прославляется сын Владимира Мономаха, Мстислав под 1140 г.

гонравен, и любовь имяше ко всим, паче же милостыни прилежаше, манастыре набдя, черньце утешивая, и все игумены утешивая и с любовью приимая, и взимая у них благословление <…>» [ПСРЛ, т. 2, стб. 610–611]. Битва с половцами приравнивается летописцем христианскому подвигу, что является воплощением средневековой идеи тождества святости и гибели христианина от рук врага [Васильев, 2006, с. 100]: «*Егда бо видяше хрестьяны полонены от поганых, и тако молвяше дружине своеи: "Братья, ничто же имете во уме своем, аще ныне умрем за хрестьяны, то очистився грехов своих, и Бог вменит кровь нашю с мученикы». Аже ли Бог дасть милость свою, а слава Богу! Мы бо аще ныне умрем, умрем же всяко". И тако молвя, дерзость подаваше воем своим, и тако от всего сердца бьяшеться за отчину свою*» [ПСРЛ, т. 2, стб. 611].

Образ Мстислава Ростиславича оказался многогранным, семантически наполненным за счет приведенных конкретных жизненных деталей, которые, вступая во взаимодействие с использованными в некрологе схемами, «общими местами», переходящими из некролога в некролог, обогатили его структуру.

Роман Ростиславич появляется на страницах Киевского свода в конце 50-х гг.: он выступает союзником полоцкого князя Рогволода Борисовича против Ростислава Глебовича; под 1159 (6667) г., помогает Святославу Ольговичу против Святослава Владимировича под 1160 (6668) г. Его имя упоминается среди участников похода на Киев под 1170 (6679), и похода на Новгород под 1173 (6681) гг.

Под 1173 (6681) г. из Киева был изгнан Владимир Мстиславич, а затем волей Андрея Боголюбского был посажен Роман Ростиславич: «*Андрееве же не любо бяше седенье Володимере Киеве, и насылаше нань, веля ему ити ис Киева, а Романове Ростиславичю веляше ити Киеву*» [ПСРЛ, т. 2, стб. 566].

Под следующим, 1174 (6682) г. данное известие дублируется [Бестужев-Рюмин, 1868, с. 137]. Несмотря на то, что вокняжение Романа Ростиславича в Киеве, как и в первом известии, является осуществлением воли Андрея Боголюбского, само событие преподнесено торжественно за счет указания на встречу князя игуменами и архимандритом (в то время пост архимандрита занимал Поликарп): «*Том же лете присла Аньдреи к Ростиславичем, река тако: "Нарекли мя есте собе отцем, а хочю вы добра, а даю Романови, брату вашему Киев". Послаша по Романа Смоленску, и приде Роман к Киеву, и усретоша и с кресты митрополит и архимандрит, Печерскии игумен, и инии игумены вси, и кияне вси, и братья его*» [ПСРЛ, т. 2, стб. 567–568].

Завершающая известие ремарка принадлежит, видимо, автору черниговскому, стремившемуся подчеркнуть важность княжения в Чернигове Святослава Всеволодича: «*Князь же Роман вниде в Кыев, и седе на столе отца своего и деда, сынови Ярополку да Смоленск. И бысть радость всим человеком о Романове княженьи. И седе Роман в Киеве месяца июля наставша. В то же время седящу Святославу Всеволодичю в Чернигове, а Романови седящю в Киеве*» [ПСРЛ, т. 2, стб. 568]. Авторское отношение не ясно в известии о въезде в Киев Романа Ростиславича под 1175 (6683) г., так как киевляне зовут то Романа (за что упрекает их Ярослав Изяславич), то обиженного Ярослава.: «*Тогда же пришел бяшеть Роман ис Смоленьска к братьи своеи в помощь. Ярослав же рече: "Привели есте брата своего Романа, а даете ему Кыев", и поиде ис Киева в Луческ. Они же поча слати по нем, вабяче опять в Кыев. Он же не послуша их и поиде в Луческ. Роман же седе в Кыеве на столе деда своего и отца своего*» [ПСРЛ, т. 2, стб. 600].

Великокняжеская летопись Романа Ростиславича в Киевском своде, по-видимому, оказалась утраченной: его княжение описано довольно скудно [Рыбаков, 1972, с. 31].

В помещенном под 1180 (6688) г. некрологе Роману Ростиславичу используются те же выражения и характеристики, что употреблены и по отношению к его братьям Святославу и Мстиславу. В плаче вдовы князя указаны черты сходства характера Романа и святого Бориса, носившего христианское имя Роман [Фран-

чук, 1986, с. 19–20]: «*Книгини же его беспрестани плакаше, предстоящи у гроба сице вопиюще: “Цесарю мой благый, кроткый, смиренныи, правдивыи, во истину тебе наречено имя Роман: всю добродетель сыи подобен ему, многия досады прия от Смолнян и не виде тя, господине, николи же противу их злу, никотораго зла воздающа, но на Бозе вся покладывая провожаше*”» [ПСРЛ, т. 2, стб. 617].

По сравнению с братом Мстиславом в описании портрета добавлено «плечима велик»[1]; кроме того, сказано, что князь построил церковь святого Иоанна, «*память здевая роду своему*»: «*Сии же благоверныи князь Роман бе возрастом высок, плечима велик, лицем красен и всею добродетелью украшен, смирен, кроток, незлобив, правдив, любовь имеяше ко всим, и к братьи своеи истеньную нелицемерную, страха Божия наполнен, нищая милуя, манастыре набдя. И созда церковь камену святаго Иоана, и украсив ю всяким строением церковным, и иконы златом и хиниптом украшены, память здевая роду своему* <…>» [ПСРЛ, т. 2, стб. 617].

Давыд Ростиславич появляется на страницах Киевского свода во второй половине XII века. Под 1170 (6678) г. князь указан в составе участников похода, организованного Мстиславом Изяславичем против половцев, под этим же годом зафиксирована ссора князей. Под 1177 (6685) г., когда объединенные князья выступили против половцев, Давыд «*бяше не притягл, и бывши распре межи братьею*» [ПСРЛ, т. 2, стб. 603]. Нелицеприятно характеризует князя другой его поступок. Когда под 1185 (6693) г. после победы над Игорем Святославием, Кончак подошел к Переяславлю, к смоленским князьям обратился за помощью Святослав Всеволодич. Рюрик Ростиславич выступил против половцев, в то время как Давыд Ростиславич, стоявший у Треполя, согласившись с доводами смолян: «*уже ся есмы изнемогле*», – вернулся в Смоленск.

К фрагментам, составленным рукой сочувствующего князю книжника, можно отнести рассказ под 1180 (6688) г. о ссоре Святослава Всеволодича и Давыда Ростиславича. Летописец описывает яростное состояние, охватившее Святослава Всеволодича: «*И не удержався от ярости, переступя крест, и перееха черес Днепр, и помысли во уме своем: “Яко Давыда иму, а Рюрика выжену из земле, и приму един власть Рускую и с братьею, и тогда мьщюся Всеволоду обиды свое*”» [ПСРЛ, т. 2, стб. 615]. Про Давыда Ростиславича сказано, что князь не ведал ниоткуда зла, «*зане крестом честным утвердился бяшеть с ним*». Этим же автором, по-видимому, зафиксирован под 1195 (6703) г. последовательный ряд совместных обедов Давыда Ростиславича с братом Рюриком, племянником Ростиславом, Черным Клобуком, киевлянами.

Последние события с участием князя касаются взаимоотношений Ростиславичей и Ольговичей: в повествовании сказано о совместном обращении Давыда и Рюрика к Ольговичам с требованием отказаться от Киева и о заключении после вторжения на черниговскую территорию мира.

Приведенные в некрологе под 1197 (6705) г. молитвы князя аналогичны молитвам князей из Повести об убиении Игоря Ольговича и Повести об убиении Андрея Боголюбского; описание погребения князя следует описанию погребения его братьев Мстислава и Романа [Еремин, 1949, с. 85–89; Толочко, 1999, с. 28–29]. Не будет преувеличением сказать, что посмертная хвала Давыду Ростиславу представляет собой фактически «каталог» общих мест, наиболее полный перечень выражений, использованных в некрологах братьев князя, Святослава, Мстислава,

[1] Эти детали, восходят, по-видимому, к выражениям, использованным в некрологах князей в «Повести временных лет»: про Мстислава Владимировича под 6542 г. сказано «*дебел телом, чермьном лицем, великома очима*»; про Ростислава Владимировича под 6574 г. – «*возрастом же леп и красен лицем*»; про Изяслава Ярославича под 6586 г. – «*не воздая зла за зло*».; «*взором красен, телом велик*» (цит. по: «Повесть временных лет» по Ипатьевскому списку [ПСРЛ, 1998, т. 2]).

Романа. Завершающий серию известий о смерти смоленских князей некролог Давыда Ростиславича имеет заметное сходство с повестью о смерти отца, Ростислава Мстиславича: кроме заимствования отдельных выражений[1], совпадает сама схема построения некрологов, включающих предсмертные молитвы князей к Богу, обеспечивающих агиографическую стилизацию образов.

Поскольку мы стремились учесть совокупность всех использованных книжником стилистических средств, мы не рассматривали образ Рюрика Ростиславича, известие о смерти которого в Ипатьевском своде отсутствует; оно читается, например, в Лаврентьевской летописи под 1215 (6723) г.

Из всех фрагментов в составе Киевского свода, описывающих события с участием смоленских князей, внимание исследователей привлекали известия с участием их родоначальника, Ростислава Мстиславича, а также одного из его сыновей, Рюрика Ростиславича, что вполне объяснимо, так как оба князя княжили в Киеве; отсутствие интереса к фигуре Романа Ростиславича (также в течение незначительного времени занимавшего киевский престол) связано с тем, что его летописание оказалось утраченным. О братьях Рюрика, княживших в разных городах, шла речь в связи с характеристикой литературной манеры их некрологов, составленных по одной схеме и рисующих похвальные черты князей.

Между тем, рассмотрение известий о смерти князей смоленского рода Ростиславичей как фрагментов, композиционно завершающих фрагментарно представленные в повествовании княжеские жизнеописания, позволяет раскрыть их художественное значение в более полной мере: они играют важную роль своеобразной «дорисовки» характеристик, сформированных всем предшествующим повествованием. Варьирование традиционных выражений, переходящих из некролога в некролог, наполнение их текстами предсмертных молитв либо жизненно-конкретными деталями, дополняет княжеские образы, делая их многогранными, семантически наполненными, отличающимися индивидуальными чертами.

Известия о смерти смоленских князей, сюжетно и стилистически выдержанные в единой манере (отличающейся от стилистического оформления известий о смерти иных князей [2]), формируют единую систему, связанную с князьями определенного рода. Панегирическое завершение фрагментарно представленных в тексте жизнеописаний смоленских князей, из числа которых киевский престол занимали двое из пяти князей, обеспечивает их акцентную презентацию в архитектонике памятника, основным источником которого большинством исследователей признана киевская великокняжеская летопись.

Ремарка, включенная в состав некрологов «*и приложися к отцем, отдав общий долг, его же несть убежати всякому роженому*», сделанная составителем свода игуменом Моисеем, маркирует важную для него линию преемственности князей, начало которой связывается им с отцом Владимира Мономаха, Всеволодом Ярославичем, а конец – с внуками сына Владимира Мономаха, Мстислава: смоленскими князьями Ростиславичами. Об этом же свидетельствует родословная Рюрика Ростиславича, помещенная в известии под 1199 (6707) г., в котором князь восхваляется за то, что заложил стену под церковью святого Михаила у Днепра на

---

[1] Например, выражение «*и свободился бых от многомятежнаго житья и маловременьнаго света сего*» восходит к фрагменту из некролога Ростислава Мстиславича: «*по вся дни хотел бых свободитися от маловременнаго и суетнаго света сего, и мимотекущаго и многомятежнаго житья сего*». Сходными являются и другие выражения в этих же некрологах: «*положите мя в отни благословеньи у святаго Федора*» (речь Ростислава Мстиславича); «*и положиша и во церкви святоую мученику Христову Борису и Глебу, во отни ему благословении*» (о Давыде Ростиславиче).

[2] Включая известия о смерти сына Берладника, Ростислава, под 1189 (6697) и Всеволода Святославича под 1196 (6704) г., содержащих те же формулы, что и некрологи смоленских князей.

Выдобичах: «*Сей же богомудрый князь Рюрик пятый бысть от того, якоже пишет о праведнем Иеве от Аврама. Всеволод бо роди Володимера, Володимер же роди Мьстислава, Мстислав же роди Ростислава, Ростислав же роди Рюрика и братью его*» [ПСРЛ, т. 2, стб. 709].

Целенаправленная редакторская правка, произведенная составителем свода, стремящегося обосновать определенную линию престолонаследования, коснулась не только тех лет, в которых были описаны события с участием Ростислава, родоначальника смоленских князей, и его сыновей, но захватывала ранние годы повествования Киевского свода. Составителем свода была сделана вставка под 1140 (6648) г., восхваляющая дела его старшего сына, Мстислава Великого, который, по словам книжника, «*наследи отца своего пот Володимера Мономаха великаго*», разрывающая повествование о киевском княжении черниговского князя, Всеволода Ольговича. Редакторской правке было подвергнуто летописание старшей династической линии Ольговичей [Мельничук, 2012, с. 170–179]: подчеркивание их интересов не согласовывалось с основной идеологической линией, которую выстраивал игумен Моисей.

Литература

Адрианова-Перетц В.П., Комарович В.Л. Повесть временных лет // История русской литературы: В 10 т. / АН СССР. М.; Л., 1941–1956. Т. I: Литература XI–начала XIII века. 1941. С. 257–288.

Бестужев-Рюмин К.Н. О составе русских летописей до конца XIV в. СПб., 1868.

Васильев В.К. Сюжетная типология русской литературы XI–XX веков (Архетипы русской культуры). Красноярск, 2006. Ч. 1.

Вилкул Т.Л. Мстислав Храбрый – к происхождению эпитета // Тезисы участников III Международной конференции «Комплексный подход в изучении Древней Руси». Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 3 (21).

Голубинский Е.Е. История канонизации святых в русской церкви. ЧОИДР, М., 1903. Кн. 1.

Еремин И. П. Киевская летопись как памятник литературы // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 67–97.

Мельничук В.А. Летописание двух ветвей династии Ольговичей в составе Киевского свода XII века: текст и контекст // Известия УрФУ. Гуманитарные науки. № 3(105). 2012. С. 170–179.

Полное собрание русский летописей. СПб, 1862. Т. 9. (ПСРЛ)

Полное собрание русский летописей. М., 1998. Т. 2. (ПРСЛ)

Приселков М.Д. История русского летописания XI–XV вв. СПб., 1996.

Рыбаков Б.А. Русские летописцы и автор «Слова о полку Игореве». М., 1972.

Толочко А.П. Похвала или житие? (Между текстологией и идеологией княжеских панегириков в древнерусском летописании) // Paleoslavica. Vol. 7. Cambridge. Massachussets. 1999. С. 26–38.

Франчук В.Ю. Киевская летопись. Состав и источники в лингвистическом освещении. Киев, 1986.

Шахматов А.А. Обозрение русских летописных сводов XIV–XVI вв. М.; Л., 1938.

Щапов Я.Н. Похвала князю Ростиславу Мстиславичу как памятник литературы Смоленска XII в. // ТОДРЛ, Л., 1974. Т. 28. С. 47–59.